

5/22

ПРЕПРИНТЫ

Е. А. Цацура, Е. Е. Гришина

**ЗАНЯТЫЕ
В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ:
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И НУЖДАЕМОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»**

Цацура Е.А., Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, с.н.с., к.с.н.,
ORCID: 0000-0001-9142-2070, tsatsura-ea@ranepa.ru

Гришина Е.Е., Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, в.н.с.,
к.э.н., ORCID: 0000-0001-8548-5497, grishina@ranepa.ru

**ЗАНЯТЫЕ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И НУЖДАЕМОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ**

Препринт

Москва 2022

Аннотация: С 2020 года вызовы для социально-экономического положения страны нарастают. На первый план выходят вопросы своевременности, доступности и достаточности государственной поддержки для разных групп населения, пострадавших от возникшего кризиса, что подчеркивает **актуальность** данной работы. **Цель** исследования – анализ распространённости занятости в неформальной экономике, материального положения работников, занятых в неформальной экономике, их охвата социальной поддержкой и нуждаемости в дополнительной социальной помощи. **Задачами** исследования является анализ распространённости неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, в том числе, среди различных социально-демографических групп работников, а также анализ материального положения, охвата социальной поддержкой и нуждаемости в дополнительной социальной помощи неформально занятых работников и работников неформального сектора. Применяемые **методы** включают анализ данных Обследования рабочей силы Росстата за 2019, 2020 и 2021 гг. , а также анализ данных опросов, проведенных РАНХиГС в декабре 2021 г. и сентябре 2022 г. **Объектом** исследования являются занятые в неформальной экономике в России. **Предметом** исследования является распространённость занятости в неформальной экономике, материальное положение работников, занятых в неформальной экономике, охват социальной поддержкой и нуждаемость в дополнительной социальной помощи. **Результаты** исследования показывают, что доля работающих по основному месту работы в неформальной экономике составила в 2019-2021 гг. 18-19% от общей численности занятых. Среди занятых в неформальной экономике выше доля мужчин, молодых работников, лиц с более низким уровнем образования, работающих рабочими, работниками сферы обслуживания, торговли, сельского хозяйства и строительства. Неформально занятые наемные работники имеют повышенные риски монетарной и депривационной бедности, чаще вынуждены тратить сбережения, имеют высокие риски потери работы и снижения трудовых доходов. В то же время индивидуальные предприниматели и самозанятые находятся в более благополучном положении по сравнению с работающим населением в целом. Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о материальном положении работников, занятых в неформальной экономике.

Ключевые слова: неформальная занятость, неформальные работники, социальная поддержка, меры поддержки, экономический кризис, нуждающиеся, малоимущие.

Коды JEL Classification: I31, I38, J46

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Tsatsura E.A., Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPA, Senior Researcher,
Candidate of Science, ORCID: 0000-0001-9142-2070, tsatsura-ea@ranepa.ru

Grishina E.E., Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPA, Leading Researcher,
Candidate of Science, ORCID: 0000-0001-8548-5497, grishina@ranepa.ru

**INFORMAL ECONOMY WORKERS: WELLBEING AND NEED
OF SOCIAL ASSISTANCE**

Working Paper

Moscow 2022

Abstract: The challenges for the socio-economic situation in the country have been growing since 2020. The issues of prompt, accessible and sufficient state support for different population groups affected by the current crisis come to the fore, which emphasizes the **relevance** of this work. The **goal** of the study is to analyze the prevalence of employment in the informal economy, the financial situation of workers employed in the informal economy, their social support coverage and the need for additional social assistance. The **objectives** of the study are to analyze the prevalence of informal employment and employment in the informal sector, including among various socio-demographic groups of workers, as well as to analyze the financial situation, social support coverage and the need for additional social assistance for informally employed workers and workers in the informal sector. The **methods** used include the analysis of data from the Rosstat Labor Force Survey for 2019, 2020 and 2021, as well as the analysis of data from RANEPА surveys conducted in December 2021 and September 2022. The **object** of the study is those employed in the informal economy in Russia. The **subject** of the study is the prevalence of employment in the informal economy, the financial situation of workers employed in the informal economy, the social support coverage and the need for additional social assistance. The **results** of the study show that the share of people working in the informal economy as their main place of work in 2019-2020 amounted to 18-19% of the total number of employees. Among those employed in the informal economy, there is a higher share of men, young workers, people with a lower level of education, employed as blue-collar workers, in the service sector, trade, agriculture and construction. Informally employed employees face increased risks of monetary and deprivation poverty, are more likely to be forced to spend savings, and have high risks of losing their jobs and reducing labor incomes. At the same time, individual entrepreneurs and the self-employed are in a better position than the working population as a whole. The results obtained contribute to the development of ideas about the financial situation of the workers employed in the informal economy.

Keywords: informal economy, informal workers, social support, support measures, economic crisis, needy, poor.

JEL Classification: I31, I38, J46

Содержание

Содержание	5
Введение	6
1. Методология	9
2. Результаты исследования.....	11
2.1. Распространенность занятости в неформальной экономике.....	11
2.1.1. Распространенность занятости в неформальном секторе экономики.....	11
2.1.2. Распространенность неформальной занятости.....	12
2.2. Материальное положение занятых в неформальной экономике	13
2.3. Охват и нуждаемость в социальной поддержке занятых в неформальной экономике	17
Заключение.....	19
Благодарности	21
Список источников.....	22

Введение

С 2020 года в стране на первый план выходят вопросы своевременности, доступности и достаточности государственной поддержки для разных групп населения, пострадавших от возникшего кризиса.

В первую очередь меры социальной защиты были направлены на наиболее уязвимые группы населения – пожилых, семьи с детьми, а также людей, находящихся за чертой бедности. В исследованиях [1, 2, 3] отмечается, что работники, занятые в неформальной экономике, оказались среди категорий, наиболее пострадавших от пандемии коронавируса. Такие работники, как правило, имеют низкий уровень дохода, заняты низкоквалифицированным трудом, часто работают в неблагоприятных условиях, оказывающих негативное влияние на состояние их здоровья, не имеют доступа к социальному страхованию. У них нет социальных гарантий и прав, которые предоставляются стандартными трудовыми контрактами. Более того, сами системы социальной защиты, как правило, построены таким образом, что некоторые категории работников не могут получить доступ к тем или иным мерам социальной поддержки.

В данной работе будут использоваться следующие определения, разработанные Международной организацией труда [4]: «занятость в неформальном секторе», «неформальная занятость» и «занятость в неформальной экономике». Занятость в неформальном секторе включает как формально регулируемую, так и нерегулируемую трудовую деятельность во всех организациях неформального сектора. Для того, чтобы производственная единица была отнесена к неформальному сектору, у нее должна отсутствовать государственная регистрация в качестве юридического лица. Неформальная занятость – это официально незарегистрированная в соответствии с гражданским и налоговым законодательством экономическая деятельность в формальном и неформальном секторе. Занятость в неформальной экономике является более широким определением, объединяющим занятость в неформальном секторе и неформальную занятость вне неформального сектора.

На необходимость расширения систем социальной защиты для охвата работников, занятых в неформальной экономике, на протяжении последних лет неоднократно указывали эксперты различных международных организаций [5, 6, 7]. Пандемия показала важность и обострила срочность принятия таких мер. Однако сделать

это не так просто, так как у стран нет готовых схем, позволяющих выделить эту группу для предоставления выплат [2, 8, 9].

Кроме того, краткосрочных программ поддержки недостаточно, нужны инструменты, обеспечивающие смягчение рисков в течение длительных периодов [1], а отсутствие официального трудоустройства зачастую является отсекающим фактором для обращения за мерами социальной поддержки населения.

Исследователи отмечают [10], доля работников, занятых в неформальной экономике, в России составляет около 20–25% от численности занятых. Существование занятости в неформальной экономике связывают с нестабильностью занятости в формальном секторе [11], низким качеством формальных рабочих мест [12], «провалом» институциональной системы [13]. Исследования [12, 14, 15] показывают, что среди занятых в неформальной экономике выше доля мужчин, лиц с более низким уровнем образования, а также тех, кто проживает в текущем населенном пункте недавно.

Во время предыдущих кризисов неформальный сектор выступал социальным буфером для потерявших работу в формальном секторе [12]. Однако, в период кризиса в 2020 г., связанного с распространением коронавируса, жесткие санитарно-эпидемиологические ограничения и закрытие границ привели к снижению занятости в неформальном секторе [16]. В 2021 г. по мере ослабления карантина и восстановления потребительского спроса занятость в неформальном секторе стала расти.

В связи с распространением COVID-19 многие страны предприняли ряд мер по экономической поддержке своего населения, и, в том числе, работников, занятых в неформальной экономике [17]. Самозанятые и предприниматели получили поддержку во Франции, Германии, Греции, Италии, Новой Зеландии и ряде других стран.

Для снижения негативных последствий распространения коронавируса в России также был введен целый комплекс дополнительных мер поддержки населения. В частности, были введены дополнительные социальные выплаты и повышены размеры отдельных социальных выплат, введены стимулирующие выплаты для некоторых категорий работников, осуществлено автоматическое продление отдельных социальных выплат и документально подтверждаемых социальных статусов, упрощена процедура получения некоторых социальных услуг [18].

Увеличение размера пособия по безработице, продление периода его выплаты, предоставление дополнительных пособий для семей с детьми позволило смягчить падение трудовых доходов уязвимых групп населения, и, в том числе, лиц, работавших

в неформальной экономике. Однако неформальная занятость и занятость в неформальном секторе приводит к ограничению доступа к социальной защите, что в сочетании с меньшим уровнем заработной платы и доходов повышает риски бедности таких категорий работников [19, 20].

Отсутствие доступа к социальной защите – аргумент, который часто упоминается исследователями, но подробно не раскрывается. В связи с этим, в данной работе внимание будет уделено анализу охвата занятых в неформальной экономике социальной поддержкой и их нуждаемости в дополнительной социальной помощи. Кроме того, в работе будет проведен анализ распространённости неформальной занятости и занятости в неформальном секторе экономики.

1. Методология

Целью исследования является анализ распространённости занятости в неформальной экономике, материального положения работников, занятых в неформальной экономике, их охвата социальной поддержкой и нуждаемости в дополнительной социальной помощи.

Задачами исследования являются: анализ распространённости неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, в том числе, среди различных социально-демографических групп работников на данных Обследования рабочей силы Росстата за 2019, 2020 и 2021 гг., а также анализ материального положения, охвата социальной поддержкой и нуждаемости в дополнительной социальной помощи неформально занятых работников и работников неформального сектора на данных обследований населения, проведенных Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия) (далее – РАНХиГС) в декабре 2021 г. и сентябре 2022 г.

В Обследовании рабочей силы, проводимом Росстатом, содержится информация, в том числе, о лицах, занятых в неформальном секторе, - работниках, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица. Кроме того, в Обследовании рабочей силы содержится информация о наемных работниках, работавших на основе устной договоренности без оформления документов. Указанное обследование проводится Росстатом во всех регионах и является репрезентативным по субъектам Российской Федерации и отдельным социально-демографическим группам населения. Ежемесячно в рамках обследования опрашивается около 77 тыс. человек в возрасте от 15 лет и старше. Данные Обследования рабочей силы позволяют проводить анализ занятости в неформальном секторе и неформальной занятости в зависимости от пола, возраста, уровня образования и территории проживания работников.

Необходимо отметить, что данные Обследования рабочей силы не позволяют провести анализ материального положения и охвата социальной поддержкой занятых в неформальной экономике, поскольку опросный лист обследования не содержит со-

ответствующих вопросов. В связи с этим для оценки материального положения работников неформального сектора и неформально занятых работников в настоящей работе были использованы микро-данные телефонных опросов населения, проведенных РАНХиГС. Объем выборки составил 2015 человек в декабре 2021 г. и 1606 человек в сентябре 2022 г. Опрашивались граждане РФ в возрасте 18 лет и старше во всех регионах России. Анализ выборки показывает, что половозрастная структура выборки и в распределение респондентов по месту проживания (город или село) в целом соответствует данным Росстата: отклонение не превышает 5%.

Данные опросов, проведенных РАНХиГС, содержат информацию о самозанятых лицах и индивидуальных предпринимателях, а также о наемных работниках, получающих заработную плату на руки неофициально.

Для оценки материального положения работников использовались вопросы о совокупном доходе семьи респондента и количестве членов его семьи, а также вопросы о самооценке текущего материального положения семьи респондента и его изменения за последний год (в 2021 г.) и после 1 марта 2022 г. (в 2022 г.).

Кроме того, данные опросов позволили провести анализ нуждаемости неформально занятых работников и работников неформального сектора в дополнительной социальной поддержке и удовлетворенность указанных работников мерами материальной поддержки населения, предпринимаемыми государством.

Методологическим ограничением проведенного анализа на данных опросов РАНХиГС является небольшой объем целевых подгрупп. В опросе в декабре 2021 г. численность неформально занятых респондентов составила 88 человек, а респондентов, занятых в неформальном секторе (индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц) – соответственно 46 человек и 62 человека. В опросе в сентябре 2022 г. численность неформально занятых респондентов составила 50 человек, а респондентов, занятых в неформальном секторе (индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц) – соответственно 56 человек и 51 человек. Однако, при проведении кросс-секционного анализа учитывалась достаточность наблюдений (не менее 30 респондентов). Кроме того, основные социально-демографические характеристики неформально занятых и занятых в неформальном секторе, полученные на данных опроса РАНХиГС совпадают с результатами, полученными на данных Обследования рабочей силы, проводимого Росстатом. Это дает основание предполагать, что полученные результаты являются достаточно надежными.

2. Результаты исследования

2.1. Распространенность занятости в неформальной экономике

2.1.1. Распространенность занятости в неформальном секторе экономики

Доля работников, основное место работы которых находится в неформальном секторе, составила в 2019 г. 19,3% от численности занятых. Однако в 2020 г. под воздействием ухудшения экономической ситуации на фоне распространения коронавирусной инфекции указанная доля снизилась до 18,7%. В 2021 г. доля составила 18,4%.

Данные Обследования рабочей силы за 2020 г. показывают, что среди всех занятых на основном месте работы в неформальном секторе более 65,0% являются наемными работниками у физических лиц, фермеров и индивидуальных предпринимателей, и более 25,0% - индивидуальными предпринимателями.

Доля работников, занятых в неформальном секторе, наиболее высока в Северо-Кавказском федеральном округе (40,8% в 2020 г.). Так, например, в Республиках Ингушетия и Чечня более половины занятых работали в 2020 г. в неформальном секторе. В то же время в Москве и Чукотском автономном округе в неформальном секторе занято менее 5,0% работающих.

Доля занятых в неформальном секторе несколько выше среди работников-мужчин (20,2%), работников в возрасте до 25 лет (26,2%) и в возрасте от 65 лет и старше (26,1%), работников, не имеющих профессиональное образование (32,3%), а также среди занятых в сельской местности (27,1%).

Доля работающих в неформальном секторе достаточно высока среди работников сферы транспортировки и хранения (22,7%), строительства (29,2%), гостиничного бизнеса и общественного питания (31,5%), оптовой и розничной торговли (39,3%) и сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства (47,3%).

В 2020 г. под влиянием пандемии численность работников, занятых в неформальном секторе, сократилась более чем на 600 тыс. чел., в том числе, в сфере оптовой и розничной торговли – более чем на 258 тыс. чел., в строительстве – более чем на 152 тыс. чел., на обрабатывающих производствах – более чем на 116 тыс. чел.

2.1.2. Распространенность неформальной занятости

Доля неформально занятых наемных работников, работающих на основе устной договоренности без оформления документов, среди работающих по найму в 2019 г. составляла 4,0%, сократилась в 2020 г. до 3,4% и в 2021 г. составила 3,3%.

Данные Обследования рабочей силы за 2020 г. показывают, что почти 90% неформально занятых наемных работников не работают в организациях и более половины неформально занятых являются квалифицированными или неквалифицированными рабочими.

В 2020 г. доля неформально занятых работников превышала 5,0% в Сибирском (6,1%) и Северо-Кавказском (9,5%) федеральных округах. Уровень неформальной занятости превышал средний уровень по стране в более чем в два раза в Курганской, Новосибирской и Омской областях, Республиках Адыгея, Алтай, Калмыкия, Северная Осетия-Алания и Чувашия, более чем в три раза – в Иркутской области и Республиках Ингушетия и Карачаево-Черкессия, более чем в четыре раза – в Республиках Дагестан и Кабардино-Балкария.

Доля неформально занятых среди работающих по найму выше в сельских населенных пунктах (5,8%), среди мужчин (4,5%), молодых работников в возрасте от 15 до 19 лет (16,5%) и в возрасте от 20 до 24 лет (6,6%). Почти половина неформально занятых работников не имеют законченного профессионального образования и менее 9,0% таких работников имеют высшее образование. Среди наемных работников неформального сектора доля неформально занятых на основе устной договоренности составляет более 20%.

Более 20% неформально занятых наемных работников в 2020 г. было в сферах строительства (23,4%) и оптовой и розничной торговли (27,7%) и более 10% - на обрабатывающих производствах (11,5%) и в сфере сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства (12,0%).

В 2020 г. под влиянием пандемии численность неформально занятых сократилась более чем на 400 тыс. чел., в том числе, в сфере оптовой и розничной торговли – более чем на 128 тыс. чел., в строительстве – более чем на 96 тыс. чел., на обрабатывающих производствах – более чем на 52 тыс. чел.

2.2. Материальное положение занятых в неформальной экономике

Прежде чем перейти к анализу материального положения занятых в неформальной экономике на данных опросов населения, проведенных РАНХиГС в декабре 2021 г. и сентябре 2022 г., необходимо отметить, что основные социально-демографические характеристики данной группы в целом схожи с характеристиками, отмеченными в предыдущих исследованиях [7; 14; 16].

Так, данные опроса населения, проведенного РАНХиГС в декабре 2021 г., показывают, что среди наемных работников, работающих неформально, выше доля мужчин (57% против 47% среди всех опрошенных работников), а также выше доля лиц до 30 лет (25% против 18%). Более четверти из них (27%) не имеют законченного профессионального образования (среди всех опрошенных работников таких лишь 9%). Кроме того, среди неформально занятых выше доля одиноко проживающих лиц трудоспособного возраста (18% против 12% среди всех работающих). Доля неформально занятых наемных работников относительно высока в сфере строительства (23%), а также в сфере общественного питания, гостиничного бизнеса и бытового обслуживания населения (26%). Более 60% опрошенных неформально занятых работников работают на микропредприятиях с численностью сотрудников 15 человек и менее.

Среди опрошенных индивидуальных предпринимателей выше доля лиц до 40 лет (57% против 49% среди всех опрошенных работающих). Кроме того, среди индивидуальных предпринимателей в 1,4 раза выше доля проживающих в сельской местности и в 2 раза выше доля лиц, работающих в сфере торговли.

Среди самозанятых выше доля мужчин (в 1,1 раза) и доля лиц, работающих в сфере строительства и сфере общественного питания, гостиничного бизнеса и бытового обслуживания населения (в 2 раза). Кроме того, среди самозанятых выше доля лиц до 30 лет (29% против 18% среди всех работающих) и лиц, не имеющих профессионального образования (23% против 11% среди всех работающих) и не имеющих высшего образования (55% против 46% среди всех работающих).

Переходя к анализу материального положения занятых в неформальной экономике следует отметить, что в период пандемии в 2021 г. в наиболее сложной ситуации оказались неформально занятые наемные работники. Среди наемных работников, работающих неофициально, доля лиц, имеющих среднедушевые доходы ниже величины

прожиточного минимума, в 1,9 раза выше аналогичной доли среди наемных работников, работающих по трудовому или гражданско-правовому договору, и в 1,8 раза выше уровня бедности среди всех работающих респондентов. Среди этой группы работающих существенно выше доля депривационно бедных, отметивших, что денег их семье хватает только на еду или не хватает даже на нее (32% против 21% среди всех работающих респондентов). В сентябре 2022 г. доля неформально занятых наемных работников ответивших, что денег их семье хватает только на еду или не хватает даже на нее, была еще выше – 36% (среди всех работающих респондентов – 17,4%).

По данным опроса в декабре 2021 г. 63% неформально занятых работников были вынуждены в последние 3 месяца тратить имевшиеся сбережения на покупку обычных товаров и услуг (среди всех работающих таких 53%). 38% неформально занятых работников были вынуждены в последние 3 месяца брать кредит или брать в долг, чтобы купить обычные товары и услуги (среди всех работающих таких 24%). 42% неформально занятых работников были вынуждены в последние 3 месяца обращаться за материальной помощью к родственникам или друзьям (среди всех работающих таких 25%).

По данным опроса в декабре 2021 г. после начала эпидемии коронавируса, менее половины (47%) неформально занятых работников зарабатывали денег примерно столько же, сколько и до начала эпидемии (среди всех работающих доля таких – 70%). Данные опроса РАНХиГС, проведенного в сентябре 2022 г., также подтверждают наибольшую уязвимость данной категории работающих. Так, в августе 2022 г. 30% неформально занятых наемных работников заработали денег меньше по сравнению с предыдущим месяцем, в то время как среди всех работающих таких было лишь 16%. Это свидетельствует о том, что размер трудового дохода неформально занятых является волатильным и существенно зависит от внешних шоков. Неформально занятые наемные работники значительно чаще говорят об ухудшении материального положения своей семьи после 1 марта 2022 г. (46% по сравнению с 32% среди всех опрошенных).

В декабре 2021 г. более половины опрошенных неформально занятых работников (58%) отметили, что есть риск того, что они в течение следующего года потеряют работу. Из них почти половина (45%) сказали, что риск – значительный. В сентябре 2022 г. 30% опрошенных неформально занятых наемных работников считали, что у

них высокий риск потерять работу уже в следующем месяце (среди всех работающих респондентов – лишь 10%).

Следующая группа занятых в неформальной экономике – индивидуальные предприниматели – находится в более благополучном положении по сравнению с работающим населением в целом. Под данным опроса в декабре 2021 г. среди индивидуальных предпринимателей ниже доля лиц со среднедушевым денежным доходом ниже величины прожиточного минимума (14% против 22% среди всех работающих) и выше доля лиц со среднедушевым доходом от 2 до 3 величин прожиточного минимума (30% против 21% среди всех работающих). В сентябре 2022 г. лишь 13% индивидуальных предпринимателей имели среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, в то время как среди всех работающих – 24%.

Среди индивидуальных предпринимателей ниже доля лиц, оценивающих материальное положение своей семьи как денег хватает только на еду или не хватает даже на нее (в декабре 2021 г. 4% против 20% среди всех работающих, в сентябре 2022 г. 7% против 17% среди всех работающих) и выше доля лиц, считающих, что материальное положение их семьи позволяет покупать еду, одежду и товары длительного пользования, но не автомобиль или квартиру (в декабре 2021 г. 54% против 38% среди всех работающих, а в сентябре 2022 г. 61% против 48% среди всех работающих).

Однако можно отметить, что пандемия существенно сказалась на уровне заработка данной группы и принесла неуверенность в сохранении привычного уровня жизни и занятости. Чуть больше четверти индивидуальных предпринимателей (28%) сказали, что после начала эпидемии коронавируса на основной работе они зарабатывали столько же, сколько до её начала (среди всех работающих эта доля существенно выше – 67%). Это означает, что трудовой заработок индивидуальных предпринимателей также непостоянный и существенно зависит от внешних шоков.

В декабре 2021 г. более четверти индивидуальных предпринимателей (26%) высоко оценивали вероятность потери ими работы в течение следующего года (среди всех работающих доля таких респондентов ниже – 16%). При этом доля тех, кто считал, что такая вероятность практически отсутствует составляла 44% среди индивидуальных предпринимателей и 53% среди всех работающих в целом. Почти треть (31%) индивидуальных предпринимателей считала, что в течение следующего года размер их трудового заработка снизится (среди всех работающих доля таких лишь 11%).

В сентябре 2022 г. 9% индивидуальных предпринимателей оценивали как высокий риск потери работы уже в следующем месяце, что соответствует тому, как оценивали данный риск все работающие респонденты (10%).

38% индивидуальных предпринимателей отмечают ухудшение материального положения своей семьи после 1 марта 2022 г. (примерно столько же – 35% среди всех работающих респондентов).

При этом по сравнению с другими работающими респондентами, индивидуальные предприниматели чаще имеют сбережения, которых хватит для оплаты текущих расходов в течение более чем 6 месяцев в случае потери всех доходов (21% против 14% среди всех работающих).

Перейдем к анализу положения следующей группы – самозанятые работники. Можно отметить, что материальное положение данной группы в целом более благополучное по сравнению с работающим населением. Однако в сентябре 2022 г. по сравнению с декабрем 2021 г. материальное положение данной группы ухудшилось: если в декабре 2021 г. среди самозанятых доля лиц со среднедушевым доходом свыше 3 величин прожиточного минимума составляла 34%, то в сентябре 2022 г. – лишь 12%.

В декабре 2021 г. среди всех работающих доля лиц, отметивших, что их семье денег хватает только на еду или не хватает даже на нее, составляла 20%, а среди самозанятых лиц – лишь 5%. При этом среди самозанятых лиц доля сказавших, что денег их семье хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, составляла 61%, а среди всех работающих – лишь 47%. В сентябре 2022 г. уже 16% самозанятых отметили, что их семье денег хватает только на еду или не хватает даже на неё (17% среди всех работающих). Также сократилась доля сказавших, что денег их семье хватает на еду, одежду и товары длительного пользования (47% по сравнению с 48% среди всех работающих).

В декабре 2021 г. самозанятые чувствовали себя достаточно уверенно на рынке труда. 66% самозанятых считали, что риск потери ими работы в течение следующего года практически отсутствует (среди всех работающих таких была 53%). 29% самозанятых в декабре 2021 г. отмечали, что есть риск того, что в течение 2022 г. они потеряют работу (среди всех работающих таких респондентов была выше и составляла 42%). 36% самозанятых ожидали повышение своего трудового заработка в 2022 г., в то время как среди всех работающих эта доля в 2 раза ниже и составляла 18%. В сентябре 2022 г. самозанятые сохраняли оптимизм – 53% из них ожидали, что через год

их семья станет жить лучше (среди всех работающих так думали лишь 35%). При этом 20% самозанятых говорили о высоком риске потерять работу уже в следующем месяце (10% среди всех работающих).

2.3. Охват и нуждаемость в социальной поддержке занятых в неформальной экономике

В данном разделе представлены результаты анализа охвата социальной поддержкой и нуждаемости в дополнительной социальной помощи неформально занятым работникам и работников неформального сектора, полученные на основе данных опросов населения, проведенных РАНХиГС в декабре 2021 г. и сентябре 2022 г.

Данные опроса в декабре 2021 г. показывают, что 17% занятых в неформальной экономике проживают в домохозяйствах, получающих на регулярной основе какие-либо социальные выплаты, пособия и льготы. Среди прочих работающих респондентов эта доля составляет 18%. Таким образом, значимых различий в охвате регулярной социальной помощью семей с работниками, занятыми и незанятыми в неформальной экономике, выявить не удалось.

Рассмотрим, как сами работники, занятые в неформальной экономике, оценивают свою нуждаемость в социальной помощи. Самая уязвимая группа – неформально занятые наемные работники чаще других отмечают острую нуждаемость в социальной поддержке со стороны государства. В декабре 2021 г. 20% неформально занятых наемных работников, а в сентябре 16% отметили, что в текущей ситуации их семья остро нуждается в получении дополнительных социальных пособий, денежных компенсаций (среди всех работающих таких было лишь 9% и 7% соответственно). Только 34% неформально занятых наемных работников отметили, что их семья не нуждается в дополнительных социальных пособиях в сентябре 2022 г. (51% среди всех работающих). В декабре 2021 г. 35%, а в сентябре 2022 г. 26% неформально занятых наемных работников отметили, что в текущей ситуации их семья нуждается в получении бесплатных продуктов питания, продуктовых наборов (среди всех работающих таких было 22% и 14% соответственно).

Более половины опрошенных индивидуальных предпринимателей (55% в декабре 2021 г. и 52% в сентябре 2022 г.) сообщили, что их семья не нуждается в текущей ситуации в получении дополнительных социальных пособий (среди всех работающих доля таких была 43% и 51%). Остро нуждались в получении дополнительных социальных пособий в декабре 2021 г. лишь 7% индивидуальных предпринимателей,

а в сентябре 2022 г. – только 4%. Около 90% опрошенных индивидуальных предпринимателей и в декабре 2021 г. (89%) и в сентябре 2022 г. (91%) сообщили, что их семья не нуждается в текущей ситуации в получении бесплатных продуктов питания (среди всех работающих доля таких была ниже и составляла 78% и 85% соответственно).

Что касается самозанятых, то в декабре 2021 г. более половины опрошенных самозанятых (58%) сообщили, что их семья не нуждается в текущей ситуации в получении дополнительных социальных пособий (среди всех работающих – 43%). Остро нуждались в получении дополнительных социальных пособий лишь 3% самозанятых (8% работающих в целом) в декабре 2021 г. и 10% самозанятых (7% работающих) в сентябре 2022 г. В декабре 2021 г. 90% самозанятых сообщили, что их семья не нуждается в текущей ситуации в получении бесплатных продуктов питания (среди всех работающих доля таких – 78%). В сентябре 2022 г. эта доля снизилась до 80% (85% среди всех работающих).

Отметим, что неформально занятые наемные работники и индивидуальные предприниматели более критично оценивают меры, предпринимаемые государством, по сравнению со всеми опрошенными работниками. Так в декабре 2021 г. более четверти (28%) неформально занятых наемных работников и треть (33%) индивидуальных предпринимателей считали, что в текущей ситуации государство не предпринимает никаких мер материальной поддержки населения (для сравнения: среди всех опрошенных работников таких лишь 22%).

Занятые в неформальной экономике реже планируют оформлять пособие по безработице в случае потери работы. Так, в декабре 2021 г., за пособием по безработице при потере работы планировали обратиться лишь четверть самозанятых и около трети индивидуальных предпринимателей и наемных работников с неофициальной заработной платой. В сентябре 2022 г. доля планирующих обратиться за пособием в случае потери работы увеличилась среди индивидуальных предпринимателей до 43%, в то время как среди самозанятых лиц и неформально занятых наемных работников существенно не изменилась и составила 22% и 34% соответственно.

Заключение

Проведенный анализ на данных Обследования рабочей силы показал, что доля работающих по основному месту работы в неформальной экономике составила в 2019-2020 гг. 20-21% от общей численности занятых. Это соответствует оценкам, полученным в более ранних исследованиях [10]. Кроме того, было получено, что среди занятых в неформальной экономике выше доля мужчин, молодых работников, лиц с более низким уровнем образования, работающих квалифицированными и неквалифицированными рабочими, работниками сферы обслуживания, торговли, сельского хозяйства и строительства, что также соответствует результатам, полученным другими исследователями [12, 14, 15, 21].

Кризисные времена, начавшиеся с пандемии COVID-19, актуализировали вопросы социальной защиты различных категорий населения. Занятые в неформальной экономике составляют немалую часть всей рабочей силы страны, внутри этой группы значительная часть работников относится к категории «работающих бедных».

В ходе проведенного исследования было показано, что неформально занятые наемные работники находятся в особенно уязвимом положении, имеют повышенные риски монетарной и депривационной бедности и чаще заявляют о своей нуждаемости в дополнительной социальной помощи. Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о материальном положении работников, занятых в неформальной экономике, и свидетельствуют о важности развития системы социальной защиты занятых в неформальной экономике и повышения доступности социальной помощи для таких категорий работников, особенно в период текущей непростой экономической ситуации.

Как уже было отмечено ранее, в исследованиях [5, 6] подчеркивается, что занятые в неформальной экономике имеют ограниченный доступ к социальной защите. Однако, результаты проведенных в настоящей работе расчетов не позволили выявить значимых различий в охвате регулярной социальной помощью семей с работниками, занятыми и незанятыми в неформальной экономике. Одной из возможных причин этого может быть то, что существенная часть предоставляемой социальной помощи в России предоставляется на категориальной основе [22], без предъявления требований к официальной занятости. Кроме того, используемые данные опроса, проведенного РАНХиГС в декабре 2021 г., содержат информацию о факте получения социальной

помощи каким-либо членом семьи и характеристиках занятости респондента, представляющего домохозяйство, и не позволяют учесть особенности занятости каждого члена семьи и факт получения им социальной помощи. Таким образом, одним из возможных направлений дальнейших исследований охвата и нуждаемости в социальной помощи лиц, занятых в неформальной экономике, может быть проведение более масштабного исследования со сбором необходимых данных обо всех членах семьи респондента и увеличением объема целевых подгрупп обследования.

Результаты данной работы могут послужить основой для дальнейших исследований в данной сфере. Важные вопросы, требующие изучения – доступность различных мер социальной защиты для неформально занятых и домохозяйств с неформально занятыми, возможности системы социальной защиты быть драйвером для повышения формализации рынка труда. Это позволит выработать меры государственной политики, направленные на совершенствование социальной поддержки лиц, занятых неформальной экономике, в целях снижения бедности в России.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Список источников

1. Alferys L, Moussié R. The COVID-19 crisis: income support to informal workers is necessary and possible. – OECD, 2020.
2. Guven M, Himanshi J, Jourt C, Edouard J. Social Protection for the Informal Economy : Operational Lessons for Developing Countries in Africa and Beyond Washington D.C. – World Bank Group. – 2021.
3. United Nations. The Protection We Want: Social Outlook for Asia and the Pacific. – 2021.
4. OECD/ILO. Tackling Vulnerability in the Informal Economy. Development Centre Studies. – OECD Publishing, Paris, 2019.
5. ILO. Extending social security to workers in the informal economy. Lessons from international experience. Second (revised) edition. - 2021.
6. OECD. The Future of Social Protection: What Works for Non-standard Workers? – OECD Publishing, Paris, 2018.
7. Winkler H., Bulmer E.R., Mote H. Expanding social insurance coverage to informal workers. - World Bank, Washington DC, 2017.
8. Bassier I, Budlender J, Zizzamia R, Leibbrandt M, Ranchhod V. Locked down and locked out: Repurposing social assistance as emergency relief to informal workers // World development journal. – 2021. – Vol. 139. – No. 5. – P. 105 – 271.
9. CGAP. Relief for Informal Workers: Falling through the Cracks in the COVID-19 Crisis. – 2020.
10. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Рощин С. (ред.) Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. – Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2017.
11. Бобков В., Одинцова Е. Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // Социально-трудовые исследования – 2020. – Том 2. - №39. – С. 30 - 41.
12. Донова И. Социально-экономические последствия неформального найма и пути его снижения // Вопросы регулирования экономики. – 2017. – Том 8. - №2. С. 47-60.
13. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. - №1. - С. 3-40.
14. Lehmann H. Informal employment in transition countries: empirical evidence and

- research challenges // IZA Discussion paper 8687. – 2014.
15. Варшавская Е. Неформальные наемные работники (заметки о "невидимом персонале). / В: Ясин Е (ред.) XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. – С. 683-692.
  16. ФинЭкспертиза. После коронакризиса неформальная занятость в России увеличилась на 1,5 млн человек. – 2021. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/neformal-zanyatost-uvlichilas/> (дата обращения 12.01.2022).
  17. Gentilini U. et al. Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures “Living paper”. – 2022. Version 16.
  18. Кудрин А. (ред.) Экономика и экономическая политика в условиях пандемии. Издательство Института Гайдара, 2021. - 344 с.
  19. Зудина А. Работники старших возрастов в российском неформальном секторе: масштаб, динамика и структура занятости // Мир России. – 2021. - №2. - С. 72–97.
  20. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения // Фундаментальные исследования. – 2021. №1. - С. 61 - 65.
  21. Гимпельсон В., Зудина А. «Неформалы» в Российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. – 2011. – №10. - С. 53-76.
  22. Андреева Е., Бычков Д., Феоктистова О. Эффективность региональных политик социальной поддержки населения // Проблемы прогнозирования. – 2021. - №5. – С. 101-110.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Хасанова Р.Р.

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ